

Диктатура, демократия и развитие*

Мансур Олсон

В мои студенческие годы, когда я читал отчет Эдварда Бэнфильда (1958) относительно представлений, характерных для жителей одной бедной деревеньки в Южной Италии, мне врезалось в память примечательное высказывание одного деревенского монархиста: «монархия — это лучшая форма правления, поскольку Король является хозяином (собственником) всей страны. Как любой хозяин дома, когда в этом доме какие-то неполадки, он их исправляет» (с. 26). Утверждение крестьянина шло вразрез с моими демократическими убеждениями. При этом я не мог отрицать, что имей страна хозяина, он был бы заинтересован в продуктивности собственности. Можно ли было тот элемент истины, который содержался в утверждении монархиста, примирить с принципами демократии?

Лишь в самые последние годы я сумел найти ответ на этот вопрос. Выяснилось, что для того, чтобы ответ был удовлетворительным, необходима новая теория, объясняющая феномены диктатуры и демократии и то, каким образом каждая из этих форм правления воздействует на экономическое развитие. Лишь осознав эту теорию, можно начать понимать то, как именно возникают авторитарные режимы и демократии. Кратко и неформально я изложу эту концепцию, используя ее для объяснения некоторых из наиболее примечательных аспектов исторического опыта.

Исходным моментом данной теории является понимание того, что ни одно общество не может функционировать удовлетворительно, если в нем отсутствуют мир и порядок, а зачастую и иные общественные блага. Очевидно, что анархическое насилие не может служить для общества рациональной основой: жертвы насилия и воровства теряют не только то, что у них отнято, но также и стимул производить любую продукцию для нужд других. Соответственно, если мир и порядок не обеспечены, всякое производство либо отсутствует, либо сведено к минимуму. Таким образом, обеспечение внутреннего спокойствия и иных основополагающих общественных нужд сулит колоссальные выгоды. Эти выгоды могут быть распределены таким образом, что в выигрыше останутся все члены общества...

Первое благословение невидимой руки Провидения

Но тогда каким образом на протяжении всей истории общества с большей численностью населения, как правило, избегали анархии?

Ответ на этот вопрос пришел ко мне случайно, когда я читал об одном китайском военном правителе (см. Шеридан, 1966). Напомню, что в 1920-е годы Китай в значительной мере находился под контролем различных военных правителей. Практически это были командиры военных бандформирований, опираясь на которые они захватывали те или иные территории Китая, а затем провозглашали себя правителями этих территорий. Они облагали население огромными налогами и присваивали значительную часть налоговых поступлений. Военный правитель Фенг Ю-Сианг отличался особо масштабными и успешными военными операциями против бандитов; в частности, он прославился тем, что разгромил довольно мощную армию бандита-кочевника по прозвищу Белый Волк. Большинство людей, населявших земли, перешедшие под контроль Фенга, явно отдали предпочтение ему, а не кочевым бандитам.

Поначалу это показалось мне странным: почему предпочтение отдавалось военным правителям, которые практически были [такими же] бандитами, осевшими на данной территории и на постоянной основе грабившими свои жертвы — т. е. жителей контролируемой ими территории; и при этом сами жертвы предпочитали их, а не кочевых бандитов, которые совершали набеги, а затем покидали данную территорию? Ведь военные правители даже не претендовали на легитимность своего положения, а их грабеж отличался от грабежа кочевых бандитов лишь тем, что он носил форму постоянного налогообложения, а не случайных набегов.

Налицо следующий факт: если кочевой бандит по рациональным соображениям переходил к оседлости и начинал осуществлять грабеж в форме регулярного налогообложения, одновременно обеспечивая на занятой им территории собственное монопольное право на грабеж, тогда те, кто платил

* Выдержки из: Olson, Mancur. "Dictatorship, Democracy, and Development" in: *American Political Science Review* 87(3), 1993, September, pp. 567-576

роятно, в
реальной
1990 год
мер, не
показате-
Юнхатно,
успеха
сколько
других
ориента-
получе-
в поли-
е более
х стран

ing Po-
nd the
Science

of Feng
Press.

ему налоги, получали стимул производить. Ведь разумный осевший на данной территории бандит будет забирать в форме налогов лишь часть доходов своих подданных, понимая, что, оставляя им стимул для воспроизводства доходов, которые он сможет обложить налогом, он в итоге выкачает из своих подданных гораздо больше средств.

Если осевший на завоеванной территории бандит с успехом монополизирует право осуществлять грабеж на этой территории, тогда жертвы его грабежа по крайней мере не будут страшиться грабежей со стороны других бандитов. Если он присваивает доходы своих подданных лишь в форме регулярного налогообложения, тогда его подданные будут знать, какая доля произведенного ими продукта останется у них после выплаты налогов. Поскольку все подданные и жертвы осевшего на земле бандита являются для него источником налоговых поступлений, у него также имеется стимул не допускать убийства или причинения вреда своим подданным. При рациональной монополии на грабеж — в противоположность неупорядоченному грабежу со стороны конкурирующих между собой банд — жертвы могут рассчитывать даже на то, что после налогового изъятия части дохода, у них на руках останется какой-то накопленный капитал, а значит, у них появляется также и стимул к осуществлению накоплений и инвестиций, что, тем самым, увеличивает их будущие доходы и налоговые платежи. Таким образом, монополизация грабежа и осуществление опеки над подданными-налогоплательщиками устраняет анархию. Поскольку военный правитель получает часть совокупного производства в форме налогового грабежа, он оказывается также заинтересован и в обеспечении иных общественных нужд в той мере, в какой подобное обеспечение способствует существованию увеличению налогооблагаемого дохода.

В социуме, где царит неупорядоченный грабеж, у людей отсутствует или почти отсутствует стимул для того, чтобы производить или осуществлять накопления — ведь все это может быть отнято; соответственно, и бандитам в ходе грабежа достается немного. Стало быть, рационализация бандитизма побуждает лидера бандформирования взять под свой контроль данную территорию, стать правителем этой территории, обеспечивая ее жителям мир, порядок и прочие общественные нужды, поскольку в этом случае он в форме налогового грабежа приобретает больше, чем при неупорядоченном грабеже. Именно так проявляет себя «первое благословение невидимой руки Провидения»: рациональ-

ный, осознающий свои интересы атаман банды кочевых бандитов испытывает побуждение — словно бы под воздействием невидимой руки Провидения — осесть на данной территории, надеть корону и добиться того, чтобы на смену анархии пришло упорядоченное правление. Гигантский прирост производимой продукции, которым обычно сопровождается обеспечение мира, порядка и иных общественных нужд, позволяет осевшему бандиту приобрести неизмеримо больше, чем он мог бы получить, не создавая упорядоченного правления.

Так обычно и происходит установление упорядоченного правления в группах более многочисленных, нежели племена; оно происходит не по причине общественного договора или каких-либо добровольных трансакций, но в силу разумного осознания собственных интересов теми, кто обладает наибольшим потенциалом силы и способностью прибегать к насилию. Эти силовые предприниматели, конечно же, не называют себя бандитами, наоборот — себе и своим потомкам они придумывают возвышенные титулы. Порой они даже претендуют на то, что управляют по божественному праву. Ну а поскольку история пишется победителями, приход к власти правящих династий, естественно, описывается в терминах высоких мотивов, а не корыстного интереса. Самодержцы всех мастей обычно утверждают, что их подданные сами желают, чтобы эти абсолютные владыки ими правили, таким образом способствуя возникновению далекого от реальной истории мифа о том, что существующая форма правления возникла на базе некоего добровольного выбора.

Каждый индивид, обладающий абсолютным контролем над страной, обеспечит этой стране общественные блага, поскольку в этом направлении его будет вести «вектор его собственного интереса»⁵. Степень воздействия вектора интереса на чиновника, политическую партию, заинтересованную группу, монарха или иного частичного или полного «хозяина» всего общества варьируется в зависимости от того, каков масштаб того «приза», который сулит контроль над данным обществом. Чем более весомым и недвусмысленным является тот приз, который организация или индивид обретают при установлении контроля над обществом, тем масштабней стимул, воздействующий на организацию или индивида в пользу обеспечения этому обществу необходимых нужд. Если абсолютный правитель получает — благодаря росту налоговых поступлений — одну треть от любого увеличения доходов его земель, он, тем самым, приобретает

⁵ Относительно термина «вектор интересов» и его значимости см. Olson, 1982. Логическая структура теории, согласно которой вектор интереса коррелирует с позитивными результатами для всего общества, но не для узких социальных групп, идентична логике, в соответствии с которой малые социальные группы могут быть вовлечены в волонтаристские коллективные акции, тогда как большие социальные группы не могут себе этого позволить.

одну треть предост... Тогда у 1 ственные национал треть, ли обеспече и благос росли бы ственные от тех бл руководе держец, с таточно 1 чает общ приходи порядка.

Истор интереса данью св к значит с того пе лие, и за хой Фра шинство и налог недавних в основе находив этот про гамы бе момента ло созда скажем, наблюдае которое 1 ря феном

Рука заг

Оттал теперь в деревенс демократ Хотя дер абсолют правлени аналогия ние. Вед положен го домо.

⁶ Многие периода 1 древние / ней мере такой неп

одну треть тех выгод, которые обеспечиваются предоставляемыми им общественными благами. Тогда у него появится стимул обеспечивать общественные нужды в той пропорции, при которой национальный доход будет прирастать на одну треть, либо втрое по сравнению с его расходами на обеспечение общественных нужд. И хотя доходы и благосостояние общества, конечно, только возросли бы при более масштабных расходах на общественные нужды, тем не менее выигрыш общества от тех благ, которые предоставляет рациональный, руководствующийся собственным интересом самодержец, оказывается громадным. В этой связи, достаточно подумать о том выигрыше, который получает общество, когда на смену анархии и насилию приходит минимальный уровень общественного порядка.

История свидетельствует о том, что вектор интереса самодержца, обложившего регулярной данью своих подданных, однонаправлен тенденции к значительному развитию цивилизации. Начиная с того периода, когда появилось оседлое земледелие, и заканчивая — в самом общем виде — эпохой Французской революции, абсолютное большинство человечества жило в условиях автократии и налогового грабежа. Вплоть до сравнительно недавних времен история представляла собой в основном постепенный прогресс цивилизации, находившейся под контролем оседлых бандитов; этот прогресс время от времени прерывался набегами бандитов-кочевников. Приблизительно с момента завоеваний Саргона, итогом которых стало создание Аккадской империи, и заканчивая, скажем, временем Людовика XVI и Вольтера, наблюдалось впечатляющее развитие цивилизации, которое имело место в значительной мере благодаря феномену оседлого бандитизма⁶.

Рука загребушая

Отгалкиваясь от этих рассуждений, мы можем теперь взяться за то, чтобы примирить взгляды деревенского монархиста и те аргументы в пользу демократии, которые нам предстоит высказать. Хотя деревенский монархист был прав, говоря, что абсолютный монарх имеет такой же стимул к исправлению недоделок, как любой хозяин дома, эта аналогия по самой своей сути вводит в заблуждение. Ведь положение самодержца отличается от положения хозяина одного дома или даже крупного домовладельца; его скорее можно сравнить

с положением обладателя всех ресурсов страны, как материальных, так и людских. Абсолютный владыка конечно же имеет стимул добиваться поддержания и увеличения производительности всего, что имеется на его землях, и каждого, кто на них проживает, тогда как его подданные от этого только выигрывают. Однако одновременно он испытывает стимул налагать монопольную ренту и взимать ее со всего, включая человеческий труд.

Иными словами, авторитарный правитель руководствуется стремлением выжать возможный максимум дохода, производимого всем обществом, и использовать полученный доход для собственных целей. Абсолютно идентичный рационально понятый корыстный интерес, который побуждает кочевого бандита осесть на той или иной территории и обеспечить упорядоченное правление для своих подданных, также толкает его на то, чтобы извлекать для своих нужд из подчиненного общества максимальный объем дохода. Таким образом он станет использовать принадлежащую ему монополию на силовое принуждение для получения максимума дохода в форме налогов и других видов дани...

Хотя на протяжении истории оседлый бандитизм приобретал различные формы, суть этого феномена становится понятной, если учесть, что абсолютный правитель получает все свои доходы в форме налогообложения. Рациональный владыка часть из полученных им посредством налогообложения ресурсов выделит на обеспечение общественных нужд, однако при этом он установит намного большие ставки налогообложения, нежели это необходимо для обеспечения общественных нужд — ведь он одновременно использует сбор налогов для максимизации своей чистой прибыли. Итак, при фиксированной ставке налогообложения, чем выше степень обеспечения общественных нужд, тем большим является получаемый обществом доход, а значит и та часть этого дохода, которая изымается по фиксированной налоговой ставке. И наоборот, чем больше возрастает налоговая ставка, в то время как уровень обеспечения общественных нужд остается неизменным, тем ниже доход, создаваемый обществом: ведь налоги подрывают стимулы...

Хотя подданные абсолютного правителя живут лучше, чем если бы они существовали в условиях анархии, им приходится мириться с налогами и другими формами изъятия своего дохода, которые настолько масштабны, что при дальнейшем их росте общественный доход упадет в столь большой

⁶ Многие из наиболее выдающихся достижений цивилизации на протяжении описанного нами исторического периода имели место в более или менее демократических или свободных от диктатуры обществах — таких как древние Афины, Римская республика, города-государства Северной Италии, Нидерланды в XVII в., и (по крайней мере после 1689 г.) Великобритания. Объяснение того, почему неавторитарные способы управления внесли такой непропорционально большой вклад в прогресс человечества, смотри далее в тексте данной статьи.

таман банды
дение — слов-
уки Провиде-
адеть корону
эки пришло
ий прирост
ычно сопро-
и иных об-
му бандиту
он мог бы
правления.
ение упоря-
многочис-
одит не по
каких-либо
разумного
и, кто обла-
способно-
е предпри-
я бандита-
они приду-
они даже
жественно-
ся победи-
стей, есте-
х мотивов,
всех мас-
ные сами
ими пра-
кновению
м, что су-
а на базе

олотным
тране об-
равлении
о интере-
са на чи-
ованную
и полно-
в зависи-
а», кото-
юм. Чем
ется тот
бредают
юм, тем
рганиза-
я этому
ютный
логовых
личения
бредает

теории,
не для
ут быть
же этого

мере, что даже сам абсолютный правитель, который лишь отчасти непосредственно ощутит на себе падение общественного дохода ввиду снижения сбора налогов, окажется в убытке.

В истории присутствует немало примеров того, как абсолютные правители, действуя в собственных политических и военных целях, выжимали из общества столько доходов, сколько это было в принципе возможно...

Сравнивая достижения диктатур и демократий

Каким образом можно сравнивать форму правления, обеспечиваемую рационально осознающим собственными интересами абсолютным правителем, с демократией? Демократии принимают столь разнообразные формы, что ни одно обобщение не охватит все эти разновидности. Тем не менее, ко многим практическим выводам можно прийти, для начала продумав наиболее простые ситуации, характерные для демократии. Такова, например, ситуация, когда на пост президента претендуют два кандидата, или же две хорошо дисциплинированные партии стремятся сформировать правительство. Такая упрощенная ситуация будет благоприятствовать демократическим процессам, поскольку она обеспечивает демократии тот «вектор» интереса, который в чем-то аналогичен вектору интереса, лежащему в основе мотивации оседлого бандита, направленной на обеспечение определенных общественных нужд. Противоположную аргументацию я приведу позднее. Но в любом случае, я буду избегать присвоения демократии заведомого преимущества за счет приписывания ей более благородной мотивации. С позиции беспристрастности я, напротив, буду исходить из того, что политические лидеры в условиях демократии руководствуются корыстными интересами в той же мере, в какой ими руководствуются и оседлые бандиты, и станут прибегать к любым средствам, чтобы обеспечить себе большинство голосов.

Наблюдения над моделью демократии, в рамках которой действуют две партии, подводят к выводу о том, что деятели, находящиеся у власти, стремятся доказать, что перечень достигнутых ими успехов «не имеет себе равных». Однако лицо, облеченное властью, наверняка не сможет представить столь блестящего перечня успехов, если будет действовать, как своекорыстный абсолютный правитель, присваивающий себе максимально возможную долю чистой прибыли, производимой обществом. В то же время, мы были бы слишком благорасположены к демократии, если бы исходили из предположения, что партия или президент, облеченные властью, максимизируют свои шансы

на переизбрание, просто-напросто добиваясь максимально возможного уровня благосостояния для всего электората в целом.

Ведь кандидату нужно получить не все, а лишь большинство голосов; стало быть, он может «купить» это большинство посредством перераспределения дохода всего общества в целом в пользу соответствующего большинства. Необходимая для такого перераспределения система налогообложения станет деформировать стимулы и уменьшать общественное производство в той же мере, в какой к аналогичным результатам приводит стремление абсолютного правителя перераспределить доход в свою пользу. Произведет ли соревнование за покупку голосов столь же масштабную деформацию стимулов — посредством налогообложения — как это имеет место в условиях рациональной автократии? Иными словами, будет ли у демократического лидера, стремящегося купить голоса, столь же мощный стимул поднять ставки налогов до уровня изъятия максимума прибыли, какой имеется у рационального абсолютного правителя?

Нет. Хотя как мажоритарная демократия, так и абсолютный правитель имеют в отношении общества вектор интереса, основанный на налоговом контроле, мажоритарная демократия в дополнение к тому присваивает значительную долю получаемой обществом рыночной прибыли, а это порождает у нее вектор интереса в пользу роста производительности всего общества. Заинтересованность большинства в получении рыночных доходов побуждает его перераспределять в свою пользу меньший объем доходов, чем это делает абсолютный правитель. Это становится ясным, если рассмотреть вариант, при котором поддержка демократического большинства обеспечивается за счет максимально высоких ставок налогообложения. При максимально высоких ставках налогообложения дальнейшие, даже самые незначительные изменения в этих ставках не изменят собираемости налогов. Но даже самое незначительное увеличение налоговой ставки приведет к сокращению национального дохода в такой мере, что, хотя доля этого дохода, идущего на уплату налогов, становится большей, абсолютный объем собранных налогов останется прежним, тогда как малейшее уменьшение налоговой ставки приведет к увеличению национального дохода в такой мере, что даже меньшая доля его, идущая на уплату налогов, обеспечит получение прежнего уровня налоговых поступлений. Таковой является оптимальная налоговая ставка для абсолютного правителя — ведь изменения размеров национального дохода влияют на его собственный доход лишь посредством изменения суммы собранных налогов.

то добиваясь мак-
лагосостояния для

ить не все, а лишь
быть, он может
редством перерас-
ва в целом в поль-
тва. Необходимая
стема налогообло-
имулы и умень-
о в той же мере,
ьтатам приводит
ля перераспреде-
ведет ли соревно-
же масштабную
вом налогообло-
условиях рацио-
овами, будет ли
мщегося купить
поднять ставки
имума прибыли,
бсолютного пра-

демократия, так
отношении об-
лй на налоговом
ия в дополнение
долю получае-
, а это порождает
оста производя
ттересованность
чных доходов
в свою пользу
делает абсолют-
ясным, если
поддержка де-
печивается за
налогообложе-
вках налогооб-
езначительные
собираемости
ьное увеличе-
кращению на-
то, хотя доля
алогов, стано-
обранных на-
сак малейшее
едет к увели-
ой мере, что
плату налогов,
ия налоговых
альная нало-
ителя - ведь
охода влияют
дством изме-

Однако большинство общества в условиях максимально высоких налоговых ставок склонно добиваться увеличения своих доходов посредством *уменьшения* налоговых ставок: ведь когда национальный доход растет, это большинство не только - подобно абсолютному правителю - получает возможность расширить налогооблагаемую базу, но также увеличивает свой доход в рамках рыночной экономики. Таким образом, оптимальная налоговая ставка для большинства электората имеет тенденцию быть меньшей, чем для абсолютного правителя...

В более общем плане, господствующим интересом (как в условиях власти абсолютного правителя, так и при демократии большинства, а также и при иных формах правления) становится стремление остановить перераспределение доходов в свою пользу в том случае, когда национальный доход уменьшается в результате чрезмерности той доли национального дохода, которую правящая группа получает. Если исходить из того, что максимальная допустимая ставка налога на доход составляет одну вторую, тогда абсолютный правитель перестанет увеличивать налоги в тот момент, когда один дополнительный доллар налоговых поступлений приведет к уменьшению национального дохода на два доллара. Допустим, правящее при демократии большинство получает три пятых национального дохода благодаря своему участию в рыночной экономике и считает оптимальным присваивать одну пятую национального дохода за счет перераспределения налогов в свою пользу; последнее, однако, приведет на практике к тому, что национальный доход сократится на пять четвертых - иными словами, на каждый доллар перераспределенных налогов он даст сокращение в размере \$1.25. Таким образом, чем шире спектр факторов, формирующих вектор интересов - т. е. чем масштабнее доля национального дохода, получаемого с учетом всех источников дохода в их совокупности - тем меньше потери общества от перераспределения национального дохода. И наоборот, чем уже спектр факторов, формирующих вектор интересов, тем в меньшей степени будет учитываться социальная цена перераспределения национального дохода в свою пользу.

Это последнее соображение делает самоочевидным то, почему утверждение, будто демократии руководятся широким вектором интересов, может привести к чересчур оптимистичным прогнозам в отношении перспектив демократических режимов, существующих в реальном мире. Так, например, небольшие партии, которые часто возникают при пропорциональном представительстве, могут выражать интересы лишь ничтожно малой доли общества, а стало быть, могут не иметь или почти не иметь стимула для того, чтобы учитывать социальную цену тех шагов, которые они предпринима-

ют в интересах узкого круга своих избирателей. Группы специальных интересов, выступающие в качестве основной детерминанты политики правительства на тех или иных специфических направлениях, почти не имеют стимулов для учета социальной цены того перераспределения доходов, которого они успешно добиваются.

Таким образом, было бы ошибочным делать вывод, что демократии неизбежно перераспределяют доход в меньшей мере, чем диктатуры. В то же время, в условиях демократии в перераспределении дохода участвуют - зачастую весьма неравномерно - сами граждане. Характерная для демократии политическая конкуренция даже тогда, когда она срабатывает весьма неэффективно, не стимулирует главу правительства (в той мере, в какой подобным стимулом обладает абсолютный правитель) извлекать максимально возможный общественный доход для достижения личных целей.

Да здравствует король!

Мы знаем, что экономика способна обеспечить максимальный доход лишь при условии высокого уровня инвестиций, а также при том условии, что, когда уровень инвестиций высок, поступление значительной части прибыли от их вложений отсрочивается. Это означает, что абсолютный правитель, который руководствуется долгосрочными интересами, постарается убедить своих подданных в том, что их доходы на постоянной основе будут защищены не только от воровства со стороны других, но и от экспроприации со стороны самого абсолютного правителя. Ведь если подданные боятся такой экспроприации, они будут меньше инвестировать, а стало быть, в долгосрочном плане налоговые поступления абсолютного правителя сократятся. Для получения максимального дохода, возможного при данной налоговой ставке, обществу потребуются также на беспристрастной основе прибегнуть к контрактным обязательствам - таким как долгосрочные займы; однако в полном объеме выигрыш опять-таки будет ощутим лишь по прошествии долгого времени. Для получения в полном объеме преимуществ от долгосрочных контрактов, обществу также необходима стабильная валюта. Вот почему осевший бандит снимет максимальный урожай налогов - тогда как его подданные получат максимальную выгоду от вектора его интересов, направленного на повышение продуктивности его владений - лишь при том условии, что он сделает ставку на максимально долгосрочную стратегию, а его подданные будут полностью уверены в том, что их «права» на частную собственность и беспристрастный контроль за реализацией контрактов будут постоянно уважаться, причем национальная валюта не потеряет в весе.

А теперь представим себе, что абсолютный правитель загадывает лишь на один год вперед. Тогда он будет стремиться экспроприировать в свою пользу любой капитал, *налоговый доход* от которого через год составит меньшую сумму, чем сам объем этого капитала. Он также станет искать выгоду — за счет забвения принципа беспристрастного контроля за исполнением долгосрочных контрактов, за счет отказа от выплаты своих долгов и за счет выпуска новой монеты или денег, которые он может потратить на собственные нужды, игнорируя опасность инфляции. В крайнем варианте, при котором абсолютный правитель вообще не задумывается о том, каким будет объем общественного производства в будущем, стимулы, которыми он руководствуется, оказываются идентичными стимулам кочевого бандита, а сам он на практике таковым и становится¹⁰.

При этом мы уверены, что у рационально мыслящего абсолютного правителя будет стимул — поскольку увеличение объемов инвестиций и торговли подданных оказывается в его собственных интересах — обещать, что он никогда не станет конфисковывать их имущество или отказываться от уплаты своих долгов. Однако абсолютного правителя нельзя обязать к исполнению обещаний с помощью независимой судебной власти или любого иного источника власти — ведь авторитарная власть по определению означает, что в обществе отсутствуют какие-либо суды или иные источники власти, неподчиняющиеся абсолютному правителю. Ввиду этого, а также учитывая явную возможность того, что диктатор может — из-за шаткости своей власти или отсутствия наследника — начать руководствоваться лишь краткосрочными соображениями, данные им обещания никогда не вызывают полного доверия. Таким образом, предложенная мной модель рационального абсолютного правителя, руководствующегося собственными интересами, на практике представляется слишком оптимистичной в том, что касается развития экономики —

ведь данная модель исходит из посылки, согласно которой те или иные правители планируют свои действия на неопределенно отдаленную перспективу (тогда как их подданные доверяют долгосрочной прозорливости своих повелителей).

Многие абсолютные правители, по крайней мере, время от времени, ориентировались на краткосрочную перспективу: ведь в истории человечества примеры проведения конфискаций, отказа от выплаты долгов, порчи монеты и раздувания денежной массы являются столь частыми, что практически не поддаются подсчету.

Демократия, индивидуальные права и экономическое развитие

Мы убедились, что, когда диктатор ориентируется на сравнительно краткосрочные цели, его интерес состоит в том, чтобы конфисковывать собственность своих подданных, отказываться от выполнения любых контрактов, подписанных им в тот момент, когда он занимал у подданных деньги, и в целом в том, чтобы игнорировать долгосрочные экономические последствия своих решений. Даже сама возможность того, что во главе авторитарного режима встанет лидер, ориентирующийся лишь на краткосрочные цели, всегда уменьшает доверие к инвестициям и к обеспечению выполнения долгосрочных контрактов. Что еще нужно индивидам от экономики, если они имеют максимальную веру в то, что их накопления и собственность будут уважаться и что обеспечение выполнения всех подписанных ими контрактов будет осуществляться на беспристрастной основе?

Им необходимо устойчивое правительство, которое уважает индивидуальные права. Но обычно индивидуальные права являются артефактом (производным) целой системы государственных учреждений. Ведь само существование частной собственности без правительства невозможно!

¹⁰ Когда в ходе войны исчезает четкое представление о том, какими именно будут границы владений того или иного абсолютного правителя, его временной кругозор относительно каждой из рассматриваемых территорий неизбежно сокращается — даже если он уверен в том, что и в будущем он останется владыкой данной территории. На периферии его владений полная неопределенность в вопросе о том, какую именно территорию абсолютный правитель сохранит под своим контролем, обуславливает разгул бродячего бандитизма. Преимущества оседлого бандитизма над бродячим становятся недвусмысленно более ощутимыми в тех случаях, когда существует естественная граница, которую реально можно оборонять военной силой. Интересно отметить в этой связи, что самые ранние государства в истории человечества появились в зонах, которые один антрополог называет «экологически очерченными», т. е. в зонах, где сельскохозяйственные земли окружены пустынями, горами или береговой полосой. (см.: Carneiro 1970). Такая экологическая очерченность не только способствует эффективной военной защите границ, но и ограничивает возможности побежденных племен мигрировать на другие территории, где они смогли бы обеспечить свое существование (как это подчеркивает Карнейро). Это, в свою очередь, означает неизбежность того, что на смену основанной на консенсусе демократии, характерной для более ранних стадий социальной эволюции, именно в данных географических условиях раньше, нежели в каких-либо других, приходит авторитарное государство.

В мире могут возникнуть проблемы, которые общество никак не может решить. Но индивиды, нарушая права друг друга, могут добиться успеха в достижении своих целей, хотя это и не является оптимальным решением. Любые нарушения прав индивидов могут привести к тому, что общество не сможет достичь своих целей. Поэтому важно обеспечить защиту прав индивидов.

Любые нарушения прав индивидов могут привести к тому, что общество не сможет достичь своих целей. Поэтому важно обеспечить защиту прав индивидов.

Любые нарушения прав индивидов могут привести к тому, что общество не сможет достичь своих целей. Поэтому важно обеспечить защиту прав индивидов.

Как более устойчивые права на собственность могут быть обеспечены в условиях авторитарного государства? В условиях авторитарного государства часто будут нарушаться права индивидов, что приведет к тому, что общество не сможет достичь своих целей. Поэтому важно обеспечить защиту прав индивидов.

ики, согласно ирируют свои юю перспек-ряют долго-лей).

по крайней нись на крат-ни челове-ий, отказа от раздувания истыми, что

ориентиру-цели, его рисковать зываться от санных им в ных деньги, долгосрочные теней. Даже горитарного йся лишь на т доверие к ения долго-дндивидам от пьную веру ь будут ува-всех подпи-гвляться на

льство, ко-Но обычно артефактом арственных не частной евозможно!

ий того или территорий ой террито-ю абсолют-еимущества гда существ-этой связи, ог называет горами или ффективной не террито-ю очередь, лее ранних ибо других,

В мире кочевых бандитов некоторые индивиды могут владеть каким-то имуществом, но никто не может претендовать на обладание частной собственностью – ведь это обладание обеспечивается обществом. Как правило, до тех пор, пока не возникнет беспристрастной судебной системы, способной использовать рычаги государственного принуждения для того, чтобы индивиды уважали заключенные ими контракты, в обществе отсутствует какая-либо надежная система обеспечения выполнения контрактов.

Но индивиды нуждаются в защите своих собственных и контрактных прав не только от нарушения со стороны других индивидов, действующих в частном секторе, но и со стороны самой мощной силы, присутствующей в обществе, – со стороны самого государства. Экономика сможет добиться реализации всех потенциальных преимуществ, которые несут в себе инвестиции и долгосрочные трансакции лишь при тех условиях, если правительство достаточно устойчиво и, в то же время, не склонно прибегать к нарушению как индивидуальных прав на собственность, так и договорных обязательств. Что же необходимо обществу для того, чтобы правительство могло удовлетворять обоим этим условиям?

Любопытно отметить, что условия для обеспечения тех индивидуальных прав, которые необходимы для максимального экономического развития, абсолютно тождественны тем условиям, которые необходимы для формирования устойчивой демократии. Ведь совершенно ясно, что демократия нежизнеспособна, если индивиды, включая ведущих соперничающих политиков, находящихся у власти, не обладают правами на свободу слова и на безопасность своей собственности или заключенных ими договоров; или же в том случае, если закон не выполняется даже тогда, когда он обязывает находящееся у власти правительство передать власть. Таким образом, беспристрастная судебная система и в целом независимая система отправления правосудия, а также уважение к закону и к индивидуальным правам, необходимые для обеспечения устойчивой демократии, в равной мере требуются во имя создания режима безопасности для частной собственности и контрактных прав.

Как более подробно я объясню далее, единственными обществами, в рамках которых может существовать уверенность в том, что индивидуальные права на собственность и договоры останутся незабываемы на протяжении многих поколений, являются устойчивые демократические общества. В условиях авторитаризма абсолютный правитель часто будет руководствоваться краткосрочными целями, тогда как отсутствие любой независимой власти, обеспечивающей упорядоченный и законный процесс передачи власти, означает, что в об-

ществе всегда присутствует значительная степень неопределенности относительно того времени, когда правителя не станет. История дает примеры того, как на протяжении ряда поколений сменявшие друг друга абсолютные правители неизменно уважали собственность своих подданных и их права на выполнение контрактных обязательств. Положим даже, что сроки нахождения у власти, а стало быть, и временные рамки, определяющие перспективное планирование демократических политических лидеров, оказываются еще более краткими, нежели те временные рамки, на которые ориентируется типичный абсолютный правитель; соответственно, из-за этого демократии теряют значительную долю эффективности. Однако в условиях устойчивой демократии, когда происходит предсказуемая смена правительств, неукоснительно подчиняющихся закону, обеспечение судебной властью индивидуальных прав и их защита в целом, как правило, не ограничиваются этими краткосрочными временными рамками. В обществах с устойчивой демократией многие индивиды с полной уверенностью заключают даже весьма долгосрочные договоры, оставляют трастовые фонды, завещанные своим правнукам и вообще учреждают такие фонды, которые, по их мнению, будут функционировать неопределенно долгое время; все это говорит о том, что в этих обществах индивиды рассчитывают, что их законные права станут в будущем уважаться без всяких временных ограничений.

Хотя опыт показывает, что относительно бедные страны могут добиться исключительно быстрого экономического роста, находясь под управлением сильного диктатора, придерживающегося необычайно разумной экономической политики, такой рост будет продолжаться лишь на протяжении правления одного или двух диктаторов. Ведь не случайно, что все страны, добившиеся – благодаря деятельности многих поколений – высочайшего уровня экономического развития и в целом хорошего состояния экономики, являются стабильными демократиями. Кроме того, у демократических обществ в два раза больше шансов выиграть войну, чем у диктатур (Lake 1992).

Различие источников прогресса в условиях авторитаризма и демократии

Когда мы исходим из того, что одна и та же мотивация руководит индивидами как при авторитаризме, так и при демократии, а также когда мы используем для анализа обоих этих феноменов одну и ту же теорию, тогда нам становится ясным основное различие между авторитаризмом и демократией по таким вопросам, как источники экономического роста и наличие препятствий на пути прогресса. При авторитаризме источником порядка и обеспечения

инных общественных нужд, а в равной мере источником общественного прогресса, который становится возможным благодаря обеспечению всех этих общественных нужд, является вектор интереса абсолютного правителя. Основным препятствием на пути долгосрочного прогресса является то, что при авторитаризме индивидуальные права даже в таких, относительно далеких от политики областях, как собственность или контрактные обязательства, никогда не могут быть гарантированными, особенно на длительный период времени.

Хотя в условиях демократии также можно извлечь выгоды из занятия руководящих должностей и принадлежности к политическим партиям, к этому в любом случае всегда относятся рационально (Olson 1982, 1986); кроме того, в условиях устойчиво ста-

бильной демократии отсутствуют внушающие ужас опасения, что специфические интересы узкой социальной группы станут доминировать над экономической политикой всей страны. С другой стороны, важнейшее преимущество демократии состоит в том, что она не позволяет собственным политическим лидерам осуществлять изъятие значительной части общественного дохода в свою пользу. Огромным благом демократии также является то, что необходимый для ее устойчивости упор на индивидуальные права столь же необходим и для обеспечения собственнических и контрактных прав. В наше время моральная привлекательность демократии превозносится почти повсеместно, однако ее экономические преимущества поняты в недостаточной мере.

Библиография:

- Banfield, Edward. *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, IL: Free Press, 1958.
- Lake, David A. "Powerful Pacifists: Democratic States and War." *American Political Science Review*, 86, 1992, pp. 24-37.
- Olson, Mancur. *The Rise and Decline of Nations*. New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 1982.

- Olson, Mancur. "A Theory of the Incentives Facing Political Organizations: Neo-corporatism and the Hegemonic State." *International Political Science Review*, 7, 1986, pp. 165-89.
- Sheridan, James E. *Chinese Warlord: The Career of Feng Yu-hsiang*. Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 1966.

СВ

АМ

рост
госу.
Юж
неда
ном
(нап
ко в
пред
взят

С

не в
идеи
ми

К ни
в пе
мож

осно
подс
ност

поли
и ав
разн

став
ческ

мног
ся в
Г

вать
обос
мич

экон
сего

ли р
нарс
высх

ные
и ув

о то
был
крат

элем
дарс
Г

нега
мич
пнал

самс
выя
* Вы